

АКТ

*Я отвернусь, как латинское R
к стенке пустой. Не ищи идеала
в жизни. Ты сам для кого-то пример,
так завернувшись в своё одеяло,
как завернулся. А впрочем, к чему
здесь обращение? К кому обращаться, –
уж не к себе ли? И вправду, ему
нечего кем-то ещё обольщаться.*

*Утром лежи, никуда не беги.
Даже на шум головной перестрелки.
Ибо не знаешь, с которой ноги
встать и в какой оказаться тарелке
каждое утро. Так переверни
белые ночи с их тьмою заглазной, –
что обнаружится? Чёрные дни.
Будь же в реальности, с речью согласной.*

*Ляг на прекрасный, как женщина, пол,
глянь в потолок, где готовы приняться
злаки о будущем. Главный глагол –
«быть», чтоб они продолжали меняться.*

Евгений Хорват

Два чувства – счастье и страх – дано нам переживать с наибольшей силой. Может быть, и страсть к чтению чужих стихов так заразительна и неистребима, потому что, читая, испытываешь и то, и другое. Потому что, читая стихи гениальные, на какое-то время присваиваешь их себе, и делаешься счастлив, словно это ты – автор. Потому что, опомнившись, наполняешься страхом за судьбу того, кто вложил всего тебя в свой текст или вложил в тебя свой текст – и то и другое стоит крови.

Стихи Евгения Хорвата, опубликованные в АКТе, предваряют выход практически полного собрания его текстов. Текстов, читая которые испытываешь и счастье, и страх. Что-то смешилось в воздухе нового века – поэты не то, чтобы перестали ностальгировать или «пускать слезу» по утраченной ли любви, времени ли, молодости, но говорить стали «последними словами».

Таковыми, какими говорят перед вечностью. И это не прерогатива какого-либо одного автора – это, как след от ветрянки, замечаешь почти в каждой представленной в этом номере АКТа публикации.

Возникает ощущение, что, наконец, поэзия заговорила на том языке, который адекватен жизни, хотя и не менее сложен, чем она. Стихи, написанные разными авторами, живущими иногда даже на разных континентах, словно бы находятся в состоянии диффузии, или, точнее, причастны одной эстетике. Стиховое письмо становится жёстким и безжалостным не только к читателю, но и к автору. Влияния и заимствования всегда шли литературе на пользу, вредило ей только школярство и скудоумное ученичество. Языковые вольности новейшей литературы дотошному читателю пособий по грамматике могут показаться непозволительными, но в состоянии диффузии находятся не только стихи, эстетики, но и сам язык. Поэт – свидетель, регистратор и фиксатор этих сложных процессов.

По улице, в глубокой скорби,
Идет старик, он спину сгорбил,
Накинув грязно-серый плащ,
Он сердцем пуст и духом нищ,
Пусть где-то музыка играет,
Он пьет из кружки желтый квас,
Закат осенний догорает,
Старик и солнце и анфас,
И в профиль осени картина:
Сентябрь и пожелтевший сад,
Дома, деревья, грязь и глина –
Начало осени. Закат.

Опять печаль как в горле ком,
А ты сонет пиши к Августе,
Пройдись по городу пешком
И улыбнись слегка без грусти.
Пусть поезда вддали трубят,
И неба край весь алым вышит
Я не искал мой друг тебя,
Я просто так из дома вышел.

*«Не жалею, не зову, не плачу»...
С. Есенин.*

Не жалею, не зову, не плачу.
Не хочу ни плакать, ни жалеть.
Ходит август, за деревья прячась,
Хочет ветром в кронах прошуметь.
Вижу над собой пустое небо
В росчерках и прочерках дождя.
Вспоминай Бориса или Глеба,
До свиданья, друг мой, до свида...
Пара строк – блаженное наследство
Не жалею больше, не зову,
Про родство забыв и про соседство,
В скошенную падаю траву.

Не принимай близко к сердцу обиду,
Каждый живет и живет так, как может:
Юноши, склонные к суициду,
Странные женщины с тонкою кожей,
Те, кто стихи друг для друга читают,
В узком кругу говорят о высококом...
Любит – не любит? Никто не узнает..
Кончится лето, став яблочным соком.
Осень, достойная мастера кисти,
Ливнем оплачет погибшее лето,
Мальчики, девочки, желтые листья,
Ангелы сумерек, ангелы света...

Стихами жить, как танцевать вслепую,
Отверженным быть в городе пустом,
Быть заключенным в собственное сердце
Без права выезда, без права переписки,
Пожизненно...
И не грустить о том
Готов сознаться, что я одержим
Не жалостью к себе,
Здесь ставлю скобки
(Не вижу в ней я ни какого преступленья), но
Любовью, что способна расцвести
Когда-нибудь прекрасными цветами.

Т4-Т6. 02. 05.

сожалующее временем «там»
и плавилась нимфы, купившие разви-
тие

и в их приобретении не читалось
возможности
кашлять городом и
необходимости
скрывать это
и были мы чужды друг другу, как их испуганные бедра
что было лучше содж нет сожаления временем,
но подразумевало
развитие каких-то робких,
тихих душевных или, ско-
рее, тональных качеств
типа
гигиенической помады,
стремившимся же было все равно,
в каком ухе звенит,
не так уж и целостно
сокрытое в словесной пустоте

(без просьбы нет связи слова с
предметом)

и просьба сожалей нет сожалеть.

Т7-Т8 . 02. 05.

подать знак не богу, а небу, размахи
вая серебряной ложечкой
соразмерность здесь?

...зовут. стыдно. надо что-то
отдать, но отдать стыдно. но зовут...

лесенкой-лесенкой и-форма

и если та любовь, которая шаг к форме,
а нет постыдна,
то так ли я люблю небо?
может, я как-то не так
машу серебряной ложечкой?

нам недодали тьму, но мы ведь
сладко ели.
нет, это не о любви.
мы сладко ели, но ведь
е нет нам недодали тьмы.
нет, это снова нео любви.
быть может, стихия.
быть может, поглотило нет
быть может, поглотило.

но эта форма этой стихии
поглотила эту стихию этой формы
мне не достало падежных нитей

падежных окончаний повторенья
серебряная ложечка – лишь форма,
и я не повторяю тебе
ответ.

Т8. 02. 05

я возвращаюсь в твой
смысловой феномен, в твою
ой знаковый континуум
улыбу нет улыбки на слово «дай», и это
возвращенье не относится ни к па-
мяти, ни к просьбе,
ни к чувству,

но лиц нет
но лишь к сомнению пустых
созвучий, окончившихся так напрасно,
что смысловой у нет континуум и зна-
ковый феномен смешались
в пространстве символа текучего
и я ходила медленно и страшно
мимо
старушек времени, а
старушки пространства
трогали старушек времени ус нет умело,
будто «на картинке»,

где врач течет в реке
и прячется в спичечном коробке
врач говорит, не может вкус быть де
мократическим
я удивляюсь

Покойник сливаясь со временем
 Похож на течение реки.
 Цветы одурманены тлением,
 Военных стройнят каблук.
 И в масть, как крапленные карты,
 События ждут свой черед
 Расстрельным желанием кратны.
 В стакане растаявший лед.
 И в черной и горькой, как кофе,
 Ночи багровеет луна.
 И вспышкой химической профиль
 Твой впитан, как эхом волна.

ГАНОВЕРСКОЕ УТРО

Зеленый купол, петел золотой.
 В Гановерское пасмурное утро
 Фонтан как лев пускает рык из зева
 Расплескивая звук по мостовой.
 Похож на фараонов бред каштан
 Расцветший, в бесконечных пирамидах
 Благоухающих. Сирена Скорой
 Поет о том, что нет сердечных ран,
 Неизлечимых. Стая голубей
 Танцует танец свой. Дающего рука
 Не оскудеет. Веер хлебных крошек
 Расклеван на лету, как крик толпы – убей!

Коричневые листья стынут на дне ручья.
 Вода холодная над ними течет ворча.

Оставленный хозяином велосипед так одинок
 Среди чужих мужчин идущих по делам, их черных ног.

В Киото осень. Тишина. Просторен вид.
 А впереди уже зима. Звезда летит.

Твой голос говорит со мной в потемках дня.
 Я слушаю, как он хрипит. Все это зря.

СЮЖЕТ ЛУНЫ

Сюжет луны похож на домино
 На ряд дробей ущербностью скользящих
 К нулю на черном фоне как в кино
 Немом на фортепьяно говорящем.
 Сюжет луны включает листопад
 В осенней спячке выщербленный сад
 Горит и опадает в лунном свете
 И мраморные статуи как дети
 Идти домой с прогулки не хотят.
 Сюжет луны Голландия ноктюрен
 Библейских рыб костистый лунный профиль
 И в лунных кратерах ван-гоговский картофель
 И звездный пепел погребальных урн.

ЛУЖИН (буриме)

На шахматной доске пасутся слоники
 В траве осоке кроется победа
 Сгрудились за спиной гроссмейстера поклонники
 На Е4 окошко в небо

День тянется строкой Экклезиаста,
 Как вязкое и будничное тесто.
 От обстоятельств времени и места
 Мой образ действий восклицает «баста».
 И снова терминалы и таможни,
 Да интервью случайному соседу
 О том, что осенью туда уеду,
 Где жить еще сложнее и невозможней.
 Шуршит шоссе бензиновая лента,
 И новостройки новоселам рады,
 И кладбище глядит из-за ограды
 В окно потенциального клиента.

ЛЕСБИЙСКАЯ ЗАРИСОВКА

Нежно-розовый клитор губной помады
 на увядших лепестках заката...
 Длинное черное пальто от Армани,
 дорогая кашмирская шаль
 цветов зрелой осени на плечах,
 седина молодежной стрижки.
 Бывшая фотомоделль,
 а ныне менеджер
 брачного агентства «Вэрэд».
 Когда, вспоминая разрыв
 с рыжей истеричкой Рэйчел,
 она возвращается за полночь
 в свой огромный
 чудовищно захламленный лофт в Сохо,
 ее все еще пытаются клеить
 случайные посетители
 ирландского паба напротив.
 Но завсегда таи знают:
 абсолютно бесперспективно.

Своя компания опять навеселе:
 Дым, теснота, гитара, много водки,
 Бальзаковского возраста красотки,
 Останки избытка на столе –
 И в стельку пьян вчерашний именовник,
 Которому всего полтинник.
 Своя компания: имеешь право
 Неверность не вменять в измену,
 Мечтая о груди соседки справа –
 Соседку слева гладить по колену,
 И слушать споры о верлибрах Рильке,
 Или о ценах на жилье в Сдероте,
 Вколов воображаемые вилки
 В глаза длинноволосому напротив.
 Своя компания: сложенье судеб,
 Их возведение в квадрат тоски,
 Где каждый треугольник неподсуден,
 И узок круг, и страшно далеки...
 Виски колотит ритуальный бубен,
 Очередной «Кеглевич» уничтожен.
 О, Господи, как мы друг друга любим –
 Мы друг без друга дня прожить не можем

ЛИШНЕЕ ЗАЧЕРКНУТЬ

Все утро
 в объезд добиралась на работу
 из-за аварии
 на Бруклинском/Крымском мосту.
 Весь день лепила
 ангелов/орлов/львов/тельцов,
 покрывая золотом/лаком/матом.
 Весь вечер
 уговаривала сына
 не драться в детском саду/
 не курить марихуану/
 не разводиться с женой.
 Всю ночь снился
 недавний/возможный теракт
 в школе/в ресторане/в кинотеатре
 за океаном/за углом.

Вечером был шторм.
 Ветер задувал со всех
 четырех сторон света
 и птицы над морем
 не летели а стояли
 на месте из последних сил
 отбиваясь от мощного
 воздушного потока.
 К утру ветер стих,
 волны улеглись,
 море отошло от берега,
 оставив следы,
 похожие на отпечатки
 гигантского протектора.
 На безукоризненно
 ровной глади воды
 вдруг складывалась
 морщина и шла
 неспешно к берегу,
 чтобы мокро шлепнуть
 о песок и исчезнуть.
 Чаек – то ли разогнал шторм,
 то ли они пресытились
 обилием выброшенных
 на берег мидий.
 Их место заняли
 вороны – это был
 их час – они летели,
 обгоняя друг друга,
 планируя в потоке
 воздуха, меняя высоту
 соперничая друг с
 другом и норовя
 на лету клюнуть
 летящую впереди птицу
 они были красивые
 и легки и против
 обыкновения не сучили
 суетливо крыльями
 а расправив их во всю ширь
 трепетали тонкого рисунка перьями,
 словно Горовиц, выбивающий
 из филармонических клавиш
 тремоло последней страсти
 подагрическими пальцами.

В заколоченном доме
 Никто не живет кроме
 Вчерашнего дня
 без тебя и меня
 Пришлого ветра
 Летнего света
 Пыльного спектра
 Сухого белья
 Без тебя и меня
 Вялых цветов
 Да раззявленных ртов
 Забытых в чулане тазов
 Недочитанных книг
 В стену воткнутых игл
 Мешка с пожитками
 Да штопки с нитками
 В заколоченном доме
 Никто не живет кроме
 Твоего заплутавшего голоса
 Моего упавшего волоса
 Забытых игрушек –
 Кукол зверушек
 Бумажного домика
 Разбитого слоника
 Задёрнутых штор
 Да мышиных нор
 В заброшенном доме
 Никто не живет кроме

Мудрое утро ответы
 роняет
 На нерешенность вечернего
 смысла
 Незавершенность вчерашнего
 цикла
 Мудрое утро собой
 Заполняет...

16 мая 2005 г.

День
 Чистого
 Листа
 В долине смерти...

21 мая 2005 г.

На крыше
 Маленького мира
 Однажды
 Поселился Ангел
 и
 Мир
 В рождении сверхновом
 Растворился...

Вместе с крышей...

9 февраля 2005 г.

Аура беды
 Зажглась
 от
 Ауры желаний

14 февраля 2005 г.

Волшебный лотос
 Расцветет
 На гранях сердца
 Твоего
 Сиреновой зарею
 Лишь
 Магию любви
 Освоишь...

14 февраля 2005 г.

Ирисы
 Ладоням утра
 Отвечают
 Радостным
 Цветеньем...

17 января 2005 г.

ВЗЯТОЕ С ПОТОЛКА

- 1
взятое с потолка витает
в задранном кверху воздухе
непослушном, купленный в шоппинг-зоне
иль на толкучке предмет передается
из рук в руки по эстафете
- 2
взятое с потолка дистанцию
держит, от греха подальше и от
элементов приязни, пошедший
насмарку пыл компанийский
чадит в коммуналке своим чередом
- 3
взятое с потолка балдеет
полюбовно, опорожнив кишечник
старикан вздыхает, легко давалось
в оны годы, обдолбанная маруха
икает в отдалении на травке
- 4
взятое с потолка топорщит
усики, обособилось в подпольном
закутке, оборотисто аферы
поворачивает, если обухом или свинчаткой
накроют, выдохнет поглубже
- 5
взятое с потолка при полном
параде, обратном в погонах
или в лакейском прикиде, о безвозвратном
цедит слова, низка янтарных бус
впилась в лебединую шею
- 6
взятое с потолка подножку
ставит бегущему за
помощью, шоколадная конфета
от жары потекла, пачкает
руки потенциал огромный
- 7
взятое с потолка в обнимку
с невзятым занимается тем, что
принято называть сношеньем, хотя
неясно, какое именно прямое
иль косвенное отношенье оно имеет
- 8
взятое с потолка на удивленье
великодушно, всем позволяет
себя потрогать, подмигивает
покровительственно, никогда не давит
на грязь, раздавленную другими
- 9
взятое с потолка прочищает
бошку, свернутую направо
или налево, кустистый холмик
перед глазами топорщится неопрятно
памяткой об еще одном подлежащем
- 10
взятое с потолка танкистом
грудь выпячивает, на грудь
принятое растормаживает, пришитый
ненароком в разгар заварухи
валится на радикулитную спину
- 11
взятое с потолка на везенье
положилось, не промахнулось
и в этом, гниению подвержен
каждый пройденный метр, в макушке
зачесанный волос совсем жидкий
- 12
взятое с потолка приседает
и отжимается, на дежурство
вышедший сверился по часам
командирским, пора ли по простоте
за веревочку дернуть, чтоб забурчало
- 13
взятое с потолка свисает
ключьями, запор или диарея
его преследуют, донимают расстройства
психики, в слюне железистый привкус
подпорчивает вкусовую гамму
- 14
взятое с потолка кивает
в сторону лишнего, ему поперла
везуха, отвертеться от фарта
не приведи, диктовать условия
теперь придется кряхтя под ухом
- 15
взятое с потолка глазеет на
чрезвычайное происшествие, доставленный
в отделении подозреваемый
главный, подписав протокол
подрачивает осовелым зрачком
- 16
взятое с потолка шпротой
или селедкой закусывает, фьюжн
в японской кухне дороговат, но
питателен, вылизанный пупок
языку признателен за шершавость
- 17
взятое с потолка по стойке
смирно застыло, за архетип
гостеприимства с хозяином рассчитавшись
дышит неровно, дарованному коню
выданный зуб приделывается обратно
- 18
взятое с потолка вспотело
от переизбытка стрессоров, от котлетной
несвежести, от неизбежности
пиздежа, произвольно зардевшись
красавица отвратительно пунцует
- 19
взятое с потолка объедки
дожирает, цимес брошенной кости
впитан им с молоком, кодировка
нечитаемая заставляет додумать
что в посланье могло содержаться

Приходили

Слесарь КИПа с пузырьком чернил, красных, похожих на кровь.

Известный писатель с желанием разобраться в Интернете и настроить почту.

Фотограф, собравшийся в путешествие в теплые страны и его подружка художница.

Рабочие из соседнего подъезда с просьбой о шведках или разводном ключе.

Шведки, но другие, с русским друзьями, посмотреть на вымирающее племя кочегаров.

Сменщик, свидетель Иеговы, как всегда вовремя.

Юная и красивая девушка, пишущая стихи, с пятью чашками из «Икеи», подарком от другой столь же красивой девушки, пишущей стихи.

Старая знакомая, вышедшая замуж за строителя и ушедшая от него в православие.

Писатели фундаменталисты с литровой бутылкой путинки и малой закуской.

Сменщица, милостиво согласившаяся опоздать на полчаса.

Бывшая подружка со своими нынешними проблемами, кучей вкусностей и пачкой чая.

Поэты после вечера в одном из клубов, с разными бутылками и разговорами.

Поэтесса со стихами, которые хороши на слух, но неинтересны на бумаге.

Сменщик, свидетель Иеговы, как всегда вовремя.

Приятельница с дочкой, которая изрисовала рабочий журнал корабликами.

Мастер, женщина с переменчивым настроением и однообразной записью в журнале «проверена работа котельной разрешаю включить котел номер один»

Вдохновение, если можно так сказать, часа на два, не более.

Сменщица чуть раньше, я даже не успел собраться.

Неловкий поэт по поводу сайта и директор фирмы предоставляющей хостинг.

Еще один директор, просто проезжавший мимо.

Музыканты, встреченные мной однажды в Москве, со скрипкой, джамбеем, собственной музыкой и запахом марихуаны.

Сменщик, свидетель Иеговы, как всегда вовремя.

Большая женщина из школы с громовым голосом, потому что сверху.

Племянник одной знакомой из соседнего дома, позвонить, потому что забыл мобильник и ключи.

Арт-директор некоего глянцевого журнала на белой праворульной «Тойоте», пытающийся убедить, что место водителя справа, а не слева.

Ветер, бросивший в дверную щель письмо - зеленый лист каштана. И откуда он взялся в апреле в нашем городе?

Сменщица в новом плаще вместо зимнего пальто.

Подменная операторша за морковкой, успевшей прорасти на окне.

Издатель путешественник, полный идей, но с пустыми карманами.

Просто путешественник на велосипеде.

Президенты Изабеллы с Зинзивером, и пинь-пинь-пинь - коробкой божественной Изабеллы.

Сон прерывистый и тяжелый, головная боль.

Сменщик, свидетель Иеговы, как всегда вовремя.

Веломастер в шлеме и с круглым рюкзаком за спиной.

Слесарь КИПа уже без чернил, но с круглыми бумажными дисками для манометра-самописца.

Мастер, женщина с переменчивым настроением и однообразной записью в журнале «Проверена работа котельной, разрешаю включить котел номер один».

Знакомая художница, рисующая портреты, со своим восточным другом, тоже художником и кусочком гашиша.

Сменщица, любезно согласившаяся опоздать на полчаса.

Виются змеи среди меня,
Но не сдаюсь им в плен
Мой месяц ябрь, мой месяц раль
My love — канцероген

Пока витийствует любой —
Я всякий, и такой
Порядок жизни всем хорош,
К тому же не впервой

Но только мозг, тесало дней
Лежит и шебуршит
Течет уставшая вода
И ветер над ней визжит

Телевизор, ты меня переживешь
Я родился с дырою на боку
Я на ангела картонного похож
Вот возьму клюку и убегу

Холодильник, ты меня не поймешь

здравствуй старуха а вот они
минувшие дни
что ли давай мне их помяни

и давай пустимся в пляс
над нами как известно висит волопас
его нам нострадамус не припас

я люблю тебя нет я тебя не люблю
я лучше поставлю очередного короля юбю
дам добро спуску на воду адью кораблю

кроме доньшка земного
есть небесный палисад
там звучит родное слово
но никто ему не рад
ибо слышателя нету
лишь антропный фактор есть
возвращаясь на планету
замечаем: так и здесь

по-над крышей лобачевской
ходит ветер молодой
мир устроенный нечестно
водит зряшный хоровод

из-под туч зияет сфера
самостийный организм
ну так здравствуй, ars chimaera
воплощай заветы в жизнь

КАВЫЧКИ

глаза в кавычках
множества морщин
цитата опыта
есть красота

ЭРОГЕННАЯ ЗОНА

прикосновение металла
к плечу
открывается эрогенная новая
зона
запах пороха вкусно
горчит
целиться пот
мешает

DESMOND'S TAVERN

after A.D. Winans

вновь на круги твои
сто сотый раз у пульта в баре
и завсегдатай говорит: не виделись полгода
беззубый бармен наливает пиво
икота душит изнутри
подобно солитёру что в восьмидесятых
убить пытался пуделя – пса моего
и глушит музыка малоизвестных групп
сiju и улыбаюсь
ничего не происходит
лишь кореянка
к юристу-негру пристаёт
у барной стойки спорят
нижнего белья коротко стриженная
23-х-летняя грудастая модель
и карлик-гомосек из аргентины

я выхожу на перекур
смотреть как нищий оmyвает телефонный столб

МЕТРО А

каштанового цвета волос
с кожаным в руке ремнём
девушка сидя ехала
рядом со мной в метро
...не улыбаясь смотрела
кожа её под землёй была белой
...из поезда вышла
примитивную рифму оставив

ЭКВИЛИБРИСТИКА

морщинами порезать лоб
верлибристика-эквилибристика
выдав
под землёй
пропасть
под утро
подумав

ЦИФРЫ

никто не пишет
это ль не гуманно
строкам своим команду я: выше!
мой опыт для кого-то многократно
...я? ...выше?

часть жизни – верфь в сидячем положении
пол-трупа тела моего на перекрёстке
я раньше обращался к звёздам
а нынче – к новостям на интернете

и всё возможно
и не запрещена любовь
и даже чувства избегают вето
я маску нацепил поэта
чтоб срифмовать
энное количество строк

Именно потому, что тебе нечего об этом сказать, и говорится.
Леон Богданов

Правильно угадать, значит, правильно вспомнить.

Л. Богданов

... меня подбадривает только отсутствие выбора из создающихся положений.
Л. Б.

Природа в городе, как картина в музее. Посмотреть, но не жить.

Написать следующую строку, как убить предыдущую.

Где-то шумят машины...
Забыл следующую мысль.
Была.

Измятое скомканное пространство вокруг.
Четыре грубо покрашенные решетки на стене.
Одна сломана.
Голое дерево за окном.

Жизнь кончилась.
Выдумываем.

Пошел дождь.
Стало лучше.

В красной шапочке под дождем сгребает старые листья.

По дороге проехала маленькая машина, ядовито-зеленого цвета.
И тут же со двора выехала точно такая же. И такая же зеленая.
Теория вероятности.

Выбор всегда неверен.

Ответить на все вопросы.

Успеть!
А что успеть?
Зачем?

Вчера долго смотрел на дерево за окном.
Гадал: птица сидит или это сук.
Решил, что сук.
Сегодня смотрю – его нет.

Грех делает человека человеком.

Конечно оправдание.

В книгах самое интересное – примечания.

Сердце мое слишком мало.
В нем нет места даже для меня.

Кривое зеркало весны.

Мясные мухи слетелись на мертвого крокодила.
Только они не брезгают этой падалью.

Сегодня мне запретили есть раков, но это не спасет ни одного.
Сгореть – единственный способ не быть съеденным.

Черные дыры.

Опять подножку времени... Но даже падая, оно летит вперед.

Из себя ли?
Реакция на...

Завтра, завтра,...
Завтра?

Гильотина все ближе.

А ничего не изменилось.
Только чуть прояснилось...

Вы уверены?

про ро

рокошущим шёпотом,
безропотно,
рот
в
рот

речевые промахи.
при Вашем роскошном
росте

такое робкое:
— по-Вашему, я — робот?
— по-моему, Вы, Рома,
в глухой обороне
своей романтической роли.

для

Я не выдерживаю реальности;
это от слабости,
от сладости
речи на языке и пальцах,
от желанья Вам понравиться,
быть услышанной...

Так тут надышано!
Съели рыбу попучки,
запили ожиданием.

Моё к Вам внимание
осторожное
и охалка синих железнодорожных
огней из-под Воронежа.

пусто

не одиноко,
не грустно —

просто пусто.

и пустота такая —
изнутри давит,
вены взрывает,
кости ломает
и сушит кожу...

можно же, можно
при данном объеме
занять
минимальную площадь,
сжаться в комочек,
стиснуть горло руками
и не позволить...

и не позволить ей выдавить воду
из твоих глаз.

бережное

через выдох, никак не реже,
думаются и говорят те же,
и от мыслей не отвязаться —
рот облизать, сказать обязательно
вежливое и нежное,
б-е-р-е-ж-н-о-е —

вроде: *набережная. парапет.*
или: *белое вязкое в ресницах и на щеке.*

Игровая приставка

Из метро Краснопресненской, под низко летящими галками,
Через стаи мужчин, локоток Ваш сжимая уверенно,
Через кинотеатры, бульвары, вино с сигаретами,
Через вечер и тусклый фонарь у чьего-то парадного,
Через такси и афиши над дремлющим городом,
Сквозь Ваше фырканье в душе, ночные объятия,
Мимо утренних кофе со сливками, мимо желаний притронуться,
Мимо ех, pow, just friend и кафе в желтом доме в Котельниках,
Рядом с Вашей усталостью, манерно играя Предательство
И цедя из бокала кровавые пряные жидкости,
Вдоль осколков, дождя и прощаний, ненужных и ласковых,
Я прошла. Я закончила. Вышла на следующий уровень.

я сказала

я сказала — улица длится, собака ластится,
мне нехстати, а псине, похоже, нравится.
проводила меня до набережной.
мальчики, подскажите пройти по адресу,
да, без разницы,
у меня вот здесь всё, знаете, переворачивается.

Аня сказала — «тощенький», Ира — «с муштинами — проще»,
а Вы, самый умный - «я знаю, чем всё закончится».

как Бродский

В тот час, когда в скучный шум переходит праздник,
И ветер метёт по асфальту огрызки радости,
А в переулках светло, но пусто без счастья,
Ты мягок, несобран внутри, как поплывшее масло.
Любой на пирсе рыбак — автор мудрых сентенций,
Чай и чайки его погружают всё глубже в сердце,
Так и хочется стать каштана цветущей свечкой,
Явлением, может, и ярким, но скоротечным...

Ведь как бы я тебя ни... (конечно, пропуск),
Я никогда не сумею писать, как Бродский.

жену Лота

В других ладонях время течёт быстрее,
и наполняя себя людьми до позывов к рвоте,
как усердный портной, чужие иллюзии пере-
лицовываешь на свои. А Кузнецкий Мост — вот он.
Мети штанами, цепляя себя в витринах,
и, будучи деепричастным к ним иностранцем,
наблюдай, как прохожие на равнодушных спинах
уносят домой набитые счастьем ранцы.
Летом ты вдруг пропал, а зимой очнулся
в прокуренной комнате, перебирая старые фото.
Бежал, сломя голову. Захотел оглянуться
до судорог в теле... Но вспомнил жену Лота.

vivo осенью

Ещё неизвестно, кто за кем наблюдает —
то ли мы за ними, то ли они — когда опадают
и всё норовят прицепиться кровавой раной...
Встав с травы, рассовав туман по пустым карманам,
войти в осень, напевая amogę mio
и рябиной пулять в ворон, попадая мимо
(мысль о том, что во снах все губы более сладки,
чем наяву). А вернувшись домой, в немой лихорадке
проваляться полночи, глядя в окно и считая фары.
Пробудиться мёртвым. Как и прежде, выкурить пару.

ДЕЕПРИЧАСТНОСТЬ

(о стихах Ульяны Заворотинской)

То, что мне кажется абсолютно новым, это всего лишь – смею надеяться – новое. Как например, теннисные прорывы Шариповой, Мыскиной, Кузнецовой, Дементьевой, Сафиной... Может быть это только совпадения. С поэтическими прорывами Золотарёвой, Кругловой, Сазиной, Гатиной, Владимировой, Карташёвой... намеренно обрываю список, чтобы продолжить его вот сейчас идущей Ульяной Заворотинской.

Каким образом возникает закономерность поколений? Откуда эта неожиданная пассионарность усталого (как говорят всезнающие эксперты!) этноса?

Когда-то, накануне 1917-го года, Велимир Хлебников, предсказавший катастрофу этого года, настаивал на публикации трагических стихов 13-летней малороссиянки Милицы. Потому что видел в них предсказание будущего. Поэзия действительно способна предсказывать. Поэты в самом деле способны улавливать и «регистрировать» тектонические сдвиги. В XX-м веке обострится поэтический слух, в частности и женский. Вспомним Елену Гуро и Эльзу Ласкер-Шюллер, Марину Цветаеву и Нелли Закс. Сейчас продолжается, начатое в середине XX века, творчество Елизаветы Мнацакановой. И вот новый виток уже первого пятилетия XXI века.

Эта преамбула как раз спровоцирована стихами Ульяны Заворотинской, которые покоряют свободой самозъявления, столь характерной для экспрессивной школы русской поэзии. Эта школа, похоже, претерпевает реинкарнацию. Маяковский остается сильнодействующим поэтическим средством для новой поэзии. Ульяна прямо апеллирует к ... Но она не берет готовые формулы, а создает свои. В основе ее стихов яркое чувство, можно даже сказать – гармональный взрыв. Поэтому это не сочинения на заданную тему, а именно открытие, прорыв, порыв. Именно, от имени, это именные стихи. На них метка Ульяны Заворотинской. При этом значимы имя и фамилия и само сочетание их, поразившее меня своей непреднамеренностью и непредсказуемостью.

Я не знаю, чем это грозит стране – появление почти одновременно нескольких ярких поэтов, вычерчивающих новый поэтический космос. Мне хотелось бы думать, что грозит чем-то хорошим, замечательным. Хотелось бы думать, что переживаемое ими обещает любовь, а не войну, как пелось в одной старинной песне.

В стихах Ульяны я слышу восторг ослепительных переживаний. Подобно прапаматери Еве, Ульяна откусывает от яблока с древа чувствования, конечно, хотя можно сказать и «познания», понимая как «познание» чувства. Почему собственно Адам и Ева смогли метафорически увидеть друг друга и познать, именно в том изначальном смысле.

Ульяна и впрямь раскусывает слова, распробывает их, какие они на вкус – сладкие, терпкие, горькие, кислые... Здесь предстает спектр ощущений (нарочно беру «спектр», потому что и цвет здесь тоже присутствует).

Лопаются оболочки стертых значимостей и вдруг открывается *деепричастность*, то есть действительная или действительная причастность, о которой забывается в грамматиках и поэтиках, но вспоминается при надкусывании слова.

Или вдруг обнаруживается, что конструкт «**МИ**» обладает таким магнетическим формообразующим свойством, что держит все прерывисто-пунктирное произведение в невероятном напряжении, как позвоночный столб, своего рода новая «флейта позвоночник!» (Самое интересное, что «**МИ**» преобразуется в серию несходных конструктов, а само остается доминирующим). Тут я даже пожалел, что не додумался построить некое свое на этой напряженной ноте **ми**. Но это была жалость не зависти, а радости, что продолжается поэтическая жизнь в улицах и переулках языка.

Произведения, увидены мной как трепетные, чувственные лепестки естества. Здесь хочется призвать читателя к осторожности чтения, буквально же к осторожности касания. Перечитайте, как «руководство», «от чая ни я»!

Если говорить «профессионально» (подразумеваю, что поэт это «профессия» – в первоначальном значении «делатель»), то Ульяна Заворотинская владеет этой профессией точно настолько, что самого процесса «делания» мы не замечаем. Загадка открытия скрыта, возможна множественность прочтений, множественность (*множественность*, *множ-ест(ст)венность*, *мно-жест-венность*), сберегающая от единственного. Может быть неведомого и самому автору.

Предлагаю продолжить теннисную аналогию! Правда, ставки в поэзии непомерно высоки...

С той стороны кладбища за воскресной школой, где эстакада, электрички и пустырь, бейсбольная площадка и дома прихожан ближайшей синагоги, шёл рослый сумасшедший. Несмотря на ливень, я узнал в нём тебя – таким, каким ты вышел из психушки, хуже, чем когда тебя забрали, могли бы и не выпускать.

Ты всегда спорил до хрипоты и всегда проигрывал, но оставался при своём, каким-нибудь многозначительным жестом давая понять, что моральная победа на твоей стороне. В заблуждениях ты был несгибаем. Зато чай не исчезал с твоего стола, и свеча на подоконнике была знаком для ежевечерних гостей.

Однажды я пришёл днём, и дверь не была заперта. Ты сидел в своей комнате на окровавленной постели, два разреза чернели выше локтевых сгибов. Ты заплакал и сказал: «Я не смог». Самодельный нож, отказавшийся взламывать дверь на тот свет, валялся под табуреткой, с трудом отражаясь в обшарпанном паркете. В комнате пахло

вскрытой горячей плотью. Говорить было не о чем. Ты замахнулся на большее, чем мог сделать, переступив черту, за которой наши свободы никак не соотносятся. Там, где никто не способен помочь, ты не справился сам. Худшее, что могло случиться, удалось тебе по-настоящему:

ты стал сумасшедшим.

В нашу последнюю встречу ты был невменяем.

Ты сказал мне: «Ты должен был умереть».

Вместо тебя умер другой человек».

«Кто?» – спросил я. «Я» – ответил ты.

Если время ещё действует тебе на нервы, постарайся представить себе нечто, что не могло бы быть ничем чревато, и ты ощутишь все восемь часовых поясов, отдаляющие тебя от этой галлюцинации напряжённого бруклинского миропорядка, пока новый день убегает от дождя по дощатому настилу набережной, как собака, не узнающая себя в мокром отражении.

Только теперь, выходя из бомбоубежища в свадебном платье, ты видишь как всё изменилось: на месте пивного киоска растут многолетние пни, небо сместилось в сторону нового моря, а все твои друзья по-прежнему за границей. Пахнет полынью, всюду бельё на верёвках, ветер уносит обрывки телефонного разговора, ищерица на раскалённом асфальте школьного двора видна изо всех окон оглушительной тени. Время только что кончилось, тебе повезло первой оказаться в раю.

МАКАБР ДЛЯ ЖАБР

*мне говорила девочка в аду
сюда гулять я больше не пойду*

ни зубов ни мудрости ни чувства
ночь идёт в душе моей темно
всё прошло закатный луч искусства
озаряет чёрное окно

чернеет ночь
окно раскрыто
на полке ветхая тетрадь
жемчужным инеем покрыты
семь знаков вечности
NASRAT
мягкий знак

мне *всё гавно*
и хочется напиться
чтоб днём уснуть
как в прошлые года
от чая ночью протрезвиться
и позвонить мэдам
к вам можно
да?!

я приду к тебе и лягу
лягу на диван

угощай вином бродягу
хвойных ванн

ты ответишь мне ответишь
выпить нет

всё на свете только ветер
только бред

люблю безумие холодных вечеров
вой ветра тусклый и унылый
провалы проходных дворов
кривые чёрные периллы

струится липкое вино
в кишечный тракт анахорета
мерцает за окном кино
и мера миру – оперетта

большое чувство

я не люблю
ни себя ни тебя

я не люблю
ни её ни его

я не люблю
ни этих ни тех

я не люблю
всех

я любил эту женщину
с такими длинными ногами,
что не было смысла брать быка за рога
благоухала японская свечка
10 + 7 + 4 колечко
она зарыдала овечка
7 + 8 + 3 сердечко
длинные ноги поперёк одеяла
и всё опять начиналось сначала
5 + 3 + 8

соцарт

я не люблю рабочих
я не люблю крестьян
я не люблю всех прочих
если с утра не пьян

хорошо! быть старым
хорошо! быть бедным
хорошо! быть пьяным
трупиком безвредным

хорошо
по пьянке
спозаранок
трахать
спящих
лесбиянок

хорошо хорошо что нет прошлого
хорошо что нет больше друзей
хорошо что не будет хорошего
хорошо что ты полуеврей

хорошо что нэма настоящего
хорошо что в душе трын-трава
хорошо что субъекта дрожащего
не поманят такие слова

макабр для жабр

я живу
в терминале *спасибо*

я умру
в парадигме *не значит*

ухожу
золотистая рыба

плавником лампу в комнате
гасит

кишки вибрируют музыка
оркестрик мировой души
евтерпа нынче безъязыка
концерт окончен свет туши

ПАЛИНДРОМИСТИКА

* * *

– Скажи, что есть палиндромон?
– Мгновенье замершее он;
сражение времени с пространством
и верности с непостоянством.

Двояковыпуклая речь

как бы спешит предостеречь,
спасти от праздной легковесности
суждений о знакомой «местности», –
ландшафте слов, рельефе фраз...

И *ракоход*, как хризопраз,
сияет среди слов-бульжников,
напоминающих то книжников,
то фарисеев, то цветы,
растущие в лесу тщеты...

Слово *рачье* –
это слово
в самом полном смысле Слова.
Перевертень на плетень
Вечности
наводит тень.

«На в лоб, болван!»
– старинная забава.
«На муть, туман»
– забавнее, чем слава...

Переходящие друг в друга строки
средь строк «односторонних» –
одинок.

И ближе к сути рак-палиндромон,
чем афисбена, – змей, что слышит звон,
но знать не знает – что, зачем, откуда...
И нипочем не разберет, покуда,
заворожен *двойным теченьем речи*,
две головы свои не свяжет ракоходно;
тогда лишь сможет он вздохнуть свободно,
услышав стали звон и свист картечи,
и рассказать о судьбоносной встрече
с палиндромомом посреди словесной сечи...

Я-БЕСЕДА – АД (Е!) СЕБЯ

...кода: «Пень он, вагант,
– на гавно не падох».
– *Он сам гад.*
– Даг? Масон?
– *Не даг, не чечен, – гаден.*
– А, – жалок?
– *О, лажа!*
– Маниту? Жлоб?
– *Боль жути – нам.*
– Е! – Что делать?
– *Та леди, отче...*
– А! – Леди?! – Дела!
– *Ёхотьма – та леди, но могла:*
бал, гомон – и дела там тоже...
– Чем могла – лбом?
– *О благом меч...*
– А дну – речь...
– *Ерунда!*
– О! Да ну?
– *Надо!..*
– И ребро вагантов... – Они тут зачем?
– *Меч аз. Тут и... Но вот, наг...А, – вор! – Бери!*

наверно нельзя сказать, что соединённые штаты
впадают в атлантический океан,
а куба в карибское море,
и что из-за этого в своё время произошёл карибский кризис,
что прогноз погоды на январь
совпадает с новогодней речью президента
и это как-то сказывается на нашем жизненном уровне,
что твоя привычка заваривать чай прямо в кружке
влияет на урожай винограда в бургундии,
что случайный жест женщины,
при разговоре положившей руку мне на колено,
должен изменить политический климат в италии
или станет следствием цунами в юго-восточной азии,
а богатый урожай винограда в бургундии
не только снизит цену на вина этого года,
но будет причиной болезни папы павла шестнадцатого,
ей богу, нам жалко папу, он совсем лишился голоса,
и может общаться с паствой только с помощью жестов,
но ты в разговоре срываешься на высокие ноты,
думаю не из-за этого и не потому,
что малознакомая женщина положила мне руку на колено,
а я вместо новостных передач смотрю «плейбой»,
где силиконовые груди гипнотизируют и быстро надоедают,
как гибридные фрукты, выращенные в голландии,
наверно неправильно думать,
что копия картины «письмо турецкому султану»,
которую пишет наш знакомый художник для бизнесмена из киева,
как-то повлияет на взрыв терроризма в иерусалиме и ольстере,
что увеличение рекламного времени в сериалах,
когда латиноамериканские страсти надолго прерываются
демонстрацией лифчиков, прокладок и туалетной воды,
явилось причиной внезапной смерти
нашей восьмидесяти восьмилетней тёти,
потерявшей сюжетную линию,
дай бог папе римскому дотянуть до её срока,
по этой же причине потерялся в водах мирового океана
российский путешественник конюхов
и его с трудом нашли поисковые службы,
а доктор филологических наук аверин
потерял мысль во время телепередачи,
наверно неправильно, но всё это как-то подспудно давит на нас
и нам становится труднее понимать друг за друга.

в сельскохозяйственных потёмках провёл почти всю жизнь...
ты утешала, зажигала свечку, керосиновую лампу,
включала лампочку в 60 ватт в комнате, 40 в коридоре, 20 в туалете,
напряжение было 110 вольт, дёрнет – не опасно,
потом перешли на 220-250,
у законопослушных американцев до сих пор 110,
беспокоятся о своих гражданах –
уж если кто-то и должен быть наказан, то по закону,
на электрическом стуле, а так – несчастный случай,
нарушение конституции...
всё же о чём речь?... о зоне отчуждения...
слева – колючая проволока, справа – такая же,
слева – эски, справа – военнопленные немцы,
зона везде, вне пространства, и казалось: вне времени...
воспоминания проступают, как фурункулы...
к фурункулам ты прикладывала мазь вишневского и лист алоэ,
иногда фурункулов было непотребно много,
не меньше, чем клопов в диване,
они громоздились красными гроздьями,
приходилось обращаться к врачу и делать переливание крови...
от клопов вообще не было спасу,
не помогали ни керосин, ни дуст, ни дезинсекталь,
единственное средство – вынести всю мебель,
комод, шифоньер, топчаны, табуретки, на свалку и сжечь...
так в конце концов и случилось,
но это было уже в другом времени и пространстве...
быт въедается плесенью и ржавчиной, опутывает паутиной...
ты, зажигавшая свечку и лампу,
ставившая на грудь и спину банки при простуде,
сушившая на солнце слежавшиеся матрасы,
развешивавшая на верёвке бельё,
гладившая чугунным утюгом простыни, наволочки, трусы и майки,
коловшая дрова и разжигавшая печь,
ты – моя мама, ты – моя жена,
с которой мы позже вросли во все слои быта,
быта уже совсем другого, но такого же обременяющего и никчемного,
ты упрекаешь меня, что мы не так прожили жизнь,
что у тебя не было, попросту говоря,
ни света в окошке, ни минуты радости...
и мне ничего не остаётся, как согласиться...

1
 Белый как Андрей,
 Как Велимир – без края и конца,
 Без рая, как Валерий.
 Вернётся.
 Пусть даже Сфинкс в Египте улыбнётся
 Я верю –
 Время даст обратный ход.
 Вернётся к нам
 И больше не уйдёт.

2
 Каждый камень мечтает стать Венерой Милосской,
 А те, что поменьше, спят и видят пращу Давида,
 А совсем маленькие (skrupulus) мешают философам
 Сочинять диалоги и эвмениды.

3
 Время – единственное всеядное животное,
 очень опасный хищник.

4
 Время играет нами будто
 ребёнок кольцом.
 Лепит из быта усталость. Время – плохой скульптор,
 мудрость в ущерб форме
 нам предлагает
 старость.

5
 Закрывает глаза.
 Причесала ресницами небо,
 С птицами
 И первым снегом.
 Снится ей:
 Птицами ноль пообедал
 И растянулся в зевоте.
 Снится ей:
 Ноль стал медным
 Памятником лишней ноте.

6
 В длину – ноль
 И в ширину тоже ноль. – Он
 Вину вином поливает,
 Как кактусы на подоконнике. – Он
 Спит в полголоса,
 В бокал с вином окупивши волосы.
 Снится ему: Она
 По улице, заезженной как старая пластинка идёт. А
 У улицы расстегнута ширинка,
 У улицы улыбка идиота.

7
 Открыла глаза.
 Причесала ресницами небо.

8
 1 ночью включили свет
 всё пришло в движение 2 мысли
 проснувшегося мечутся как 3 тараканы
 разбегаются прячутся
 в грязные щели 4 человеческого мозга не
 хватит чтобы вместить ужас
 мыши трепещущей будто 5 сердце
 оцепенело 6 свет заслонив рукой

9
 Белый, как Андрей,
 Как Велимир – без края и конца,
 Без рая, как Валерий.
 Из недосказанности рифмы и поверий,
 Из снов.
 Вернется к нам –
 Пророчеством основы
 времени
 В зрачок он зачехлит мгновение,
 Подарит смысл лишней ноте
 Завязнувшей в гармонии,
 Как муха в меду.

Памяти С.Ш.

Ты опять бухой, Серёжа!
 Пьешь «Дэлляр», портвейн восточный.
 Жизнь прожить, ты знаешь точно,
 Предпочтительнее лежа.

Хочешь неба? – Бог с тобой!
 Ночь припрётся с пьяной рожей,
 Запрокинешься, и что же? –
 Дом торчит над головой,
 Тошнотворно типовой.

2004

В том городе семидесятых,
 Где нету летнего сезона,
 В угрюмых ватниках ребята
 Долбают мёрзлые газоны.

Стоит веселая эпоха:
 На лацканах алмазы блещут,
 Рупь двадцать стоит водки «стоха»,
 И люди честно рукоплещут.

Но тут – метель, огни разводят,
 Скрежещет ковш, во тьму скользят.
 И все идут – и все проходят
 Там, где протиснуться нельзя.

2005

Вот и лопнуло веселье.
 С двадцать пятого трамвая,
 С дня рожденья, новоселья
 Шли, плакаты обрывая
 С гордым именем «строитель».
 Шли и летом, и зимой.
 Угодили в вырезатель,
 Не попасть теперь домой.
 За окном метель и вьюга.
 Здравствуй, шариков-сержант!
 Не прожить нам друг без друга,
 Хоть я нынче эмигрант.
 Это было, было, было,
 Ручку памяти крутило.
 – Повторится ли опять?..
 – Кто спросил, едрёна мать?!

2005

Снег налип на белый свет,
 Город занесён до спиелей.
 Мы за что под утро пили? –
 Жаль, что водки больше нет.
 Мы бы выпили за этот
 Белый свет, а не за тот...
 Белый-белый, ошизельный,
 Где до слёз, до беспредела
 Мы торчим который год.
 Вот оно, родное тело:
 На худых окорочках,
 В синих блюдечках-очках.

2005

МОСКОВСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Курская, Таганская,
Чеченская, афганская...

Лубянка,
пересылка,
Полянка,
могила...

Противоестественность
Санкт-Петербурга –
Конгломерата
Метрополитена
И пролетариата

Противоестественность
Московского представления о том
Что это противоестественно
Естество
Травы
И листвы

И там
И тут

Набираешь «100»
И слушаешь
Как в трубке шуршит
Время

Через минуту
Ему дают отбой
И оно умирает

Вместе со старостью
подползают страхи:

незамкнутой двери
и непогашенного огня,
незнакомца в ночном дворе
и красивой девушки напротив.

Отводишь глаза,
ускоряешь шаг,
возвращаешься к запертой двери

Не забывая
бросить взгляд
в зеркало

СОН И Я

во сне
слетать в будущее

чтобы увидеть
когда и как
умрут
мать и отец

чтобы сразу забыть это,
но долго потом испытывать
бесполезную,
щемящую нежность
к ним

потом
можно навести справки
и о себе...

случайно ли
эти стихи
компьютер забросил
в папку
«последние
файлы»?..

Надо готовиться к смерти...
Д. Самойлов

первая рубашка –
розовая
или голубая

последняя,
говорят, –
белая

если сможете,
назовите еще два оттенка

хотя бы...

ПРО УДАРЕНИЕ

Чудны дела твои, Господи

Чудны
Или чудны?

Чудны дела твои:
Столькими чудесами украсил
И ежедневно украшаешь
Ты мир...

Чудны дела твои:
Не устаю удивляться
Как странно, как чудно
Устроил ты этот мир
Чудны дела твои Господи

Чудны
И чудны

Приближенье последней зимы.

Ослепительно черная собака
На пестром снегу
За грязным окном вагона
Утром

Кез,
Кажется

(Такая станция,
На пути в Пермь)

Середина
Ноября...

МОСКОВСКАЯ ГЕОГРАФИЯ – 2

в центре Москвы – офисы, банки, магазины, музеи...
дальше по радиусу – заводы, ярмарки, склады,
еще дальше – больницы, больницы, больницы...
кладбища,
парки,
поля...

Люблю себя

Потому что узнаю в себе
то мать
то отца
то деда
даже бабушку,
с которыми рос.
и которых продолжаю любить

Каково живется тем,
кто ненавидит своих близких?

РАССКАЗ О МОЛИТВАХ

I

обнявши

крута струёю река
берега струнная дрожь
чинно песню вершит вершина
быллинновечна
доброта пригоршней

в древность недонырнуть
рус смехом локон
лицо легко
лепетна твоя седина
тайная

счастье
колени
на чердаке паутином
в квадратике рук и ног

торопится
лиственная синева
наших душ
губ кривизна
а сундук заперт

ласточкой полетишь
радуйся

II

колец невидимых лихорадка
печальное таяние тропы
тёмный платок

любить

взгляд спрятан в движенье невидимого
вращаешь небесный руль
вращаешь
небесный
немыслим

ты опоздал

пшеничная
васильковая
шаг вслед спиною к солнцу
иглы в полёте теряют нить
им известно
ты камень подтаявший
огонь поссорившийся с камином
крестцом джомолунгмы
шубой однокрылых нот

таешь на сквозняке палима
ропщешь
арфуешь
расстрельным заливом
проданною судьбой

– молча смотрит во тьму
– взгляд спрятан в движенье невидимого
– огонь поссорившийся с камином
– печальное таяние тропы

III

волглое скомканное руно
вепрь с прорезью на спине
алюминий испаряющий спирт
только рука и поверхность рода
и щиколотки кастаньет
джиуджитсы скрипок
цветы забвенья
натянутые на колышки лун

зеленые слезы звезд
вечная мерзлота
брезентовый транс усопших
женские волосы остановившихся часов
пурга

и выходит царь
грозен его державный меч
и вопиют предметы

нити

сгнившее небо

IV

чугун взлететь
водоворот решетки
светло и тихо
и снова тихо и светло
кувалда микроскопа
тяга светил к совокуплению
и демонстрация
паук за пауком
водопроводом идет подложка
стеною хлещет чувство
и спина составлена из глаз
светло и тихо
фиалки обороны
террор ромашек
и каменные ноги
идуших вместе
русская земля
и погремушка простора
то да гремит
то нет

V

мяч
собака
молниеносный захват
рваный парус в отставке
и небесный люк
из которого
аварийный хлещет свет

это рог поколений
зависть фугасов селекционных
нищета рыбаков
с их нижними юбками сельди
с их кефалью дюралевой
и тяжелым золотом осьминогов

вот один оторвался
и губы покрасил
за разнuzданного быка
тщится
волосатыми танками тычась друг в друга
в амбразуры пупков
пряча
глаз извращений постыдных

пожирая
начало свинцовых бисквитов
макая их в нефть
преломляя
сыры каучука
яйца Фаберже
и сладкое мясо иллюзий
световодов пряные травы
и влагалища лунные урн
с их приторной гарью

избегая Сабура
его сладких трущоб
разрисованных свастикой крови
в миниатюрных кремлях
с лесбиянками звезд пресловутых
и летящих наклонно кладбищах
в рясах болот
в донной тине тысячелетий
в торжествующих сновиденьях
распятый

но тогда
вылетают роясь
черные стаи червей
жидкая грязь беспросветных речений
совпадения случайные дат
оставляя Асклепию
муляжи
шестеренок бесстыжих
исповедную тьму
чревооточающий плод

и начинается танец машин
он все уже
стремящийся к точке
в люк
теряющий каплю за каплей
всосался
и дышит
так дышит
что песок на зубах
сладкой крови

* * *

Этот город так мал, он лежит у меня на ладони,
Я его убираю, как мятую трёшку в карман,
Но его не продашь, не пропьёшь, не порвёшь, не обронишь,
Он не то мне в награду, не то в наказание дан.
Он не гирей висит на ноге, и не камнем на шее,
Я уйду из него, я уеду под ропот колёс,
Но его позабыть я уже никогда не сумею,
Я дышу его шумом, он мне в сухожилия врос.
Этот город мне мал, как одежда грудного ребёнка,
Я оставлю его – пусть морочит и нежит других,
Но где б я не была, мы с ним связаны ниточкой тонкой,
И я буду жива, пока он в моих нервах не стих.
1998

Беспечно летя на движенье, на свет и на звук
Не стоит пытаться пространство делить на кварталы.
Почти неизбежен, но все же ничтожен испуг,
Что будто бы не в чем и не с чем нам выйти к финалу,
Что будто бы жизнь рассыпается ворохом цифр,
Что будто бы мир растворяется в веере строчек,
Что будто бы, если ещё сотню лет будешь жив,
Не сможешь сказать ничего, что полней многоточья.

Всё это не важно, когда можно встать на крыло
И спрятать за пазуху теннисный мячик вселенной,
И всё-таки нам бесконечно и зло повезло,
Пока в этом мире лишь смерть и прозренья мгновенны.
2000

Ловить язык за кончик языка,
Как каплю коньяка катать по глотке,
Я русского узнаю по походке,
Иль по тому, как плавает строка,
В которой каждый звук прибит на век –
Нерасторжимы нежные объятия –
На русском говорить куда приятней,
Чем выбегать без шапки в первый снег.
Когда мне страшно, радостно иль грустно,
Я просто воздух в лёгкие набрав –
Делю язык на письменный и устный
И на листок плюю неразобрав.
2001

Можно просто лететь над землёю в предутреннем свете
Зябко кутаясь в шубы из влажных густых облаков
Не твердить что мы будем как боги, как птицы, как дети,
Или что мы живём только ради любви и стихов,
Можно просто уметь как вином наслаждаться полётом,
От оценок бежать, как бежим от греха и вины...
Если нам изнутри будет видно порою хоть что-то,
То другим ничего не увидеть с любой стороны
Так давай же лететь – приземлиться быть может успеем
Оставляя на небе следы, как на поле от слег...

Опадая как звезды, уже не о чём не жалея,
С неба сыплются перья –мы думаем падает снег.
2001

Значит, будут другие слова.
Перестанет болеть голова
о далеком, а только о близком.
Я заслушаюсь ангельским писком,
я пойму и приму и пойду
проповедовать птицам в саду –
нет завидней удела от века.
Сколько можно искать человека.

Совсем никто, совсем нигде,
и плащ, висящий на гвозде
в забытой жизни, как палач;
надрывный смех, надсадный плач,
но чей – уже не разберешь;
быть может, это сам поешь.

Кто помнит меня другой?
Они и себя забыли.
Мы в прошлое – ни ногой,
поскольку боимся пыли,

боимся опять застрять
и что-то узнать впервые...
Боимся живыми стать.
Ведь мы и сейчас – живые.

Жизнь удалась – и стало тихо.
Обезоруженное лихо
смотрело грустно и всерьез
на лужицу вчерашних слез,
уже подкисшую на солнце,
потом на дивное оконце,
где канарейка да герань,
да вышитые полотенца,
да суп грибной для подселенца,
и думало: какая дрянь...

Цветет сирень Я к Вам еще приду.
Я, может быть, причины не найду
остаться, отыграться – но в аду,
оттанцевав, что велено, на льду,
я стрелки на себя переведу,
и получу (вот пройда!) по суду
две сольвейговы лыжи на меду,
и ангельский (*быть может*) голосок.
Тогда и к Вам – в рай-центр (на часок).

Мой статус – вечный гость.
Таких гостей
за стол сажают мордой к циферблату,
кладут в тарелку ложку новостей
и наливают рюмочку обрату.
Не дай Бог что. Не дай Бог не уйдет.
Придется делать вид, что так и надо,
а дел полно – недоеное стадо,
некрашенный забор, и огород...
Ах трусость, мать пороков! Мне смешно.
Какая мелочь делает погоду...
Я путаю, что свято, что грешно,
но не вступаю дважды в ту же воду

.....

1. Вот стихотворенье без названия.
 Без названия и без первой строчки.
 Без второй и третьей, между прочим.
 Начинается большим отточьем.
 И кончается глубокой ночью.

.....

2. Или вот еще стихотворенье. Нет, скорее, только описание. Описание рифмоговоренья как процесса умосозерцанья. Не стихи, но только картотека символов лирической печали. Например: луна, фонарь, аптека, серебристый отблеск черной шали. Не стихи, но перечень предметов, каталог сухих воспоминаний, только неразборчивая смета знаков бытового препинанья, протокол чувствительных уколов некоей виртуальной процедуры, месиво непрошенных глаголов и сентиментальных каламбуров, календарь расхожих суеверий, список беспорядочных названий, где «душа» соседствует с «не верю», а «любовь» рифмуется с «не знаю», перебор досужих рассуждений, облаченных в рифмы даровые, где минуло чудное мгновенье и зудят минуты роковые.

ИМЕНА ИЗМЕНЫ

Прости мне, хорошая Лена, в глазах театральную

грусть, и глупую эту измену, и мой неразборчивый вкус.

Простите, Галина и Катя, за то, что обидел не раз вульгарностью

грубых объятий и пошлостью брошенных фраз. Простите, Алена и Маша,

и Катя другая, прости за встречи случайные наши на девственном вашем

пути. Лариса, Аня и Люда, Виктория, Нона, Люси, и ты, безымянное чудо,

что как-то подвез на такси, Надежда, Оксана, Марина, Софи, Валентина, Адель,

Ангела, Мальвина, Кристина, Рогнеда, Регина, Рашель, Фамарь, Сулико, Беатриса,

Асоль, Гюльчитай, Суламифь, Джоконда и Бедная Лиза, Изольда, Мария, Юдифь,

Лолита, Сафо, Дульцинея, Алиса, Ундина, Линор и вы, белоснежки Диснея и

звезды немого кино, и ты, сумасшедшая Ира (вот здесь я, возможно, не прав),

простите, все женщины мира, за мой отвратительный нрав. За то, что

свою Незнакомку искал, как обещанный приз,

да только запутал и скомкал

дорогу в чужой

Парадиз.

Маятник

Я – маятник,
 качающийся между
 Филадельфией и Нью-Йорком,
 приводимый в движение отчаянием и надеждой:
 иллюзией отчаяния
 и химерой надежды.

Между хорошо забытым старым Йорком
 и городом нестареющей братской любви.
 Отталкиваемый Филадельфией,
 притягиваемый Нью-Йорком.
 Отталкиваемый Нью-Йорком,
 притягиваемый Филадельфией.

Veni, vidi – ушел, забыл.

I'm a pendulum
 hesitating between Philadelphia and New-York,
 kept in perpetual motion
 by the repulsion exercised by the one,
 and attraction exerted by the other,
 by the repulsion exercised by the other,
 and attraction exerted by the one –
 the illusion of the repulsion,
 and the chimera of the attraction.
 Swinging to and fro
 to the rhythm of rickety train carriages
 and the squealing accompaniment of worn tires.

Sic – transit – vita.

Я – маятник,
 сплавляющий лес времени от устья к дельте
 согласно формуле:
 $f(t), t.$
 Застывший в полете
 над мельтешением шпал и канителью рельс,
 (я знаю расписание поездов наизусть),
 внимающий пульсу дорожной разметки,
 ждущий, когда пробьет мой час.

Может, мне сделать «солнышко»?

I'm a pendulum bound between the two cities:
 the city of lost love
 and the city of love not found.
 Sickened by the origin,
 apprehensive of the destination,
 (if, of course, there are such things
 as the origin and destination of a pendulum).
 Working my way out
 of the confines of the amplitude,
 nauseated by the very notion of motion,
 pumping the seemingly inexhaustible time
 from the pool of «possibility» – to the quagmire of «actuality»,
 from the reservoir of «impossibility» – to the crystal lake of «non-happening».
 Kept swung by the change of the seasons,
 vacillation of the moods,
 and the circulation of the blood.

Stop the bloody thing!!!

I am a pendulum
 I am pm.
 Copulating with time
 in the delirious hope of impregnating it with a miracle.

I-m-a-p-e-n-d-u-l-u-m
 Я-м-а-я-т-н-и-к
 P-e-n-d
 Я-м-а
 E-n-d
 Я
 .

15 (77)

пятнадцатилетние капитаны
боятся быть смешными,
но очень хотят стать мужчинами

преодоление

путь на восток
длинною в жизнь

последняя цифра детства

длинные брежневские
семьдесят седьмые
(мне пятнадцать)

семьдесят седьмой номер футбольной формы,
выданной в двух тысяча пятом
(мы ещё поиграем)

урок биологии в мае:
большой пестик и пять тычинок

один из пяти ответов правильный

кто смелый

когда смелый я

14.05. - 02.07.05 г.

16 (78)

в семьдесят восьмом нам было шестнадцать
сколько из нас дойдут до семьдесят восьми
статистика

в шестнадцать мы не думали об этом

в семьдесят восемь многие не останутся думать

здесь

нам было шестнадцать
мы влюблялись в одноклассниц
в белых фартучках с голыми коленками
и красными комсомольскими значками

14.05. - 02.07.05 г.

20 (82)

*Мы с тобой одного возраста –
просто родились в разное время*

вереница чётных чисел юбилея

чем дальше юбиляры, тем менее юбилейнее

до встречи с Тобой осталось время,
но я нервничаю. Его мало,
а я зачем-то подгоняю себя:
«Быстрее, быстрее»

выбор между наслаждением
женского тела
и бегом по пересечённой местности

всегда есть выбор

– А нельзя два в одном ?
– Нельзя. Это вам не коктейль. Это жизнь.
– Жалко

стихи друзей висят в пространстве

вскоре выяснится, что уйдут в прошлое
многие друзья и чаще недописанные строки

насовсем

резина времени крутого недопонимания
конечности всего

конечность всего
через первое округлённое сейчас

20.05. - 04.07.05 г.

на пороге – не ведая – сны – на пороге
на пароме – туда (до луны?) – на пароме
бормотанье – шаман – чахлый сын сибирячки
очень быстро – алтын (или меньше?) в записке
мертвецы в записной тонкой-тоненькой книжке
ни юрашки ни тани – ни дна ни покрывки
а с собою не взять ни рубля ни деркама
непонятно – и видимо в сторону храма

15.05.2005

Есенинский бульвар

Светлой памяти Татьяны Бек

вода и камень дерева трава кусково
вода и камень дельфины русалки крым
вода и камень готический почерк прага
вода и камень бетон и стекло нью-йорк

и все утекает родное в летейские воды
и все утекает зачем-то в летейские воды
а я старикашка по-прежнему на берегу
я только печалюсь и плачу
понять ничего не могу

2005

Чебоксары

самолет как маршрутное такси в кармане разные деньги
доллары рубли гривны кроны я не знаю где окажусь завтра
в каждом городе и стране как выясняется меня кто-то
ждет и кто-то согреет своим теплом я уже нигде никогда
не осяду видимо потому что у меня нет большого таланта
а значит и нет необходимости сидеть на месте и
кропотливо день за днем писать жизнь сложилась так как
сложилась за себя не страшно все свои болячки я захвачу
на тот свет из окна машины я увидел сегодня красивые
киевские дома ледяные подмосковные сугробы и
маленького московского мальчика который что-то
говорил своей бабушке но я не понимал что

11.03.2005

Киев – Москва

Л.

и банальная боль и нечаянная (александр блок) радость
и мысль материальна и бог дает все что ты хочешь и нужно
уметь ждать и хочешь бери а не хочешь что же ты лгал
маленькое тело большие глаза безоглядное сердце
старый киевский двор теплый воздух и теплые руки
спутанные планы метания взаимопонимание неужели
это еще бывает и ты не один ты не один это (все же не
это) было когда-то давно в переревшем манхэттене
прошло не прошло я клонировал нежность по строчке
твоей перламутровой песни а ты что же услышала ты

24.12.2005

Есенинский бульвар

далее огороды

девушка едет в девяткино
в босоножках с чистыми пятками
из города
до скорого

девушка едет в девяткино
думает оно названо
по аналогии с числом
планет вокруг солнца

девушка едет в девяткино
вокруг солнца всегда дожди
там из-за них опадает жасмин
белые лепестки, сканворды, фисташки,
иван-чай, болота, мороженое

девушка едет в девяткино, оно
сокращается до д-но

девушка едет в девяткино
далее огороды
ещё есть озеро
перерезано железной дорогой
ещё есть на станции токсиво
где жизнь началась
мы с тобой танцевали
на колени валясь

увы, в это стихотворение никак не вписывается пересказ легенды
о том, что в кавголовском озере водится чудище. иногда оно
решает сменить жилую половину озера, и если в это время
через озеро проходит поезд, оно может перекусить мешающий
состав пополам. именно это, а не мнимые путевые работы
является причиной частых нарушений графика следования
поездов на приозерском направлении. обнаружение этой
истории здесь затрудняет восприятие продолжения
стихотворения, ну да ладно.

озёра налиты
леса установлены
дома деревянные отстроены
финны выгнаны

девушка едет в девят-кино
по линии надрыва девят-метро
словно бы негде девать себя
будто бы время никак не шло

те же слов закрываются двери
те же цыгане на станции пери
и вечные дачники
с рюкзаками на тощих плечах

в каждую сторону
от центра города
своё девяткино
рыбацкое купчино удельная
теперь ещё и ладожская
далее огороды

30-31/07/04

сносдеревьев

единственное что понятно человек
ломотится не в дверь и в сумке фотоап
сносдеревьев во дворе сносдеревьев во дворе
какбынетак оно как бы какбынетак

а в общем это нет дверевья обнимав
ломотится внутри у человека ап
и в сумке фотоап готовый к фотопа
и фотовыставка готов всегда готав

ломотится внутри у человека дверь
где н-ап-дись на дверях про что они закры
когда они откры кому они нужны
к кому они нежны куда они надев

пальто на объектив здьсь фотOVERНИСАЖ
сносдеревьев во дворе на дверри фотокоп
оно же в небо дверь темно и фотошоп
сносдеревьев о дворе фотоколлаж

05/10/04

поэт пишет руками / работы

в некоторые места
с чистыми помыслами
в некоторые с чистыми руками
знаю куда в чистой обуви и одежде
с чистыми пустыми блокнотами
невесёлыми самолётами

ВНИЗ

можете ли вы представить себе
беспорядок в аэропорту
например как в утренней спальне
как в ночной гостиной
когда все гости ушли
как в столярной мастерской наконец
в разгар рабочего дня

на немых ногах может отпечататься
например карта нужной местности
буду изгибаться, переснимать,
извёртываться, блуждать

ВВЕРХ

буду руками говорить
как отцветает жасмин за компьютером
интонации пальцев
чувствуется как я остригла ногти

по крайней мере руки выглядят аккуратнее
ночной квартиры, вечного аэропорта
столярной мастерской, наконец
в разгар работы

толстая линия масляной краски
на крыле самолёта
домики из спичек
ручной работы

поэт пишет руками
спицы и гаечный ключ
мячики и иголки
в разгар рабочего дня
в беспорядке ночной квартиры

поэт машет руками
взлетает и улетает
невесёлыми самолётами
неправильных стихотворений

30-31/07/04

ХОЛОДНОЕ ВИНО И ЗИМНИЕ ВОДЯНИСТЫЕ ПОМИДОРЫ

мы обязательно
переживём эту зиму
и следующую тоже
обязательно переживём хотя она и нескоро

мы смотрим в окно такими же
как яичница смотрела бы на нас
?
зимние водянистые помидоры

параметры нашей жизни
в полупрозрачном полосатом пакете
ветер и слёзы
жизнь дана для того, чтобы смотреть на неё в окно

машины едут и едут
медленно медленно медленно
мы обязательно переживём эту зиму
и подогреем, как-нибудь подогреем,
принесённое с улицы вино

02/11/04

19

твоянекоммуникабельностьмнеогорчительна

Где они [далее следует стихотворение]
письма Левы У.

в полуразборчивой зыби
отражение фона
моего отсутствия

а где живу не знаю
просто по адресу

(28.9.97)

Адрес – новый. Ты знаешь. Т.ч. пиши! Целую. Л.

1997

радушный и равнодушный
мой друг
но не чья я
угаданный как стихотворение
открывающий душу с легкостью
потому что у нее нет стен
ускользающий в нереал
тайный гей

2003

нашла себя
в отражении трамвая на Dundas –
Ринатик,
по крайней мере мы живы

2003

(витя опаздывает)

полулысые блондины
смуглые женщины
это ты?
в Итоне
я и
57 зависших гусей

2004

Эмма Эмили
чайник без тормозов
избрали Давида Миллера
уже скучаю по Вите
Дамир никогда не напишет
с Костей Рерихом нежный чат
Ринатик ждет моего звонка
у Джулии телефон безответен
Лева, душа моя я моя кровь
голос могут звучать
любовь моя – я моя –
лишь отражаясь о вас
друзья
в жизни моей
отражения ваши –
я

2004

рифматизм ее бесконечностей
немотивированности мягкая разлапистость
араукариевая
лесбиянка лесли на водяном матрасе
то ли колышится то ли дышит
напилась ацетаминофена
свет коридора за горизонтом ее тела
будильник заведен на половину восьмого

2004

всё что было

холодно и неуютно
но рядом
и просто
на пыльных простынях
в дворницкой на лермонтовском

искала не находила
не искала нашла
в середине мира
с другой стороны меня

в моем мире нет письменности
а только крики
на ту сторону

у моей любви нет письменности
эти буквы мне выданы как пособие по бедности

2004

напилась и спит
любовница-самоубийца

Миссиссага кристаллизуется outside

закрываю глаза
в аквариуме струится
иду спать

hi

1998

бедная Этта
надуваются паруса
и вот она снова летит
но она молчит
ни слова не говорит уже столетие
Этта
волосы обесцвечены
ногти налачены подточены
губы крашены
глаза заплаканы
вся в янтарной депрессии

2004

белый голубь
голубой контур

пальмы шевелят пальцами
носфератовски

закат через час

прекрасная жизнь
падает вниз
быстрая
быстрая
быстрая

2005

самиздат

ТЕКСТЫ • ФАКТЫ • КОНТРВЕРСИИ

ЕВГЕНИЙ ХОРВАТ

Евгений Хорват родился в 1961 году в Москве, с 14 лет жил в Кишиневе, в Германию уехал в 1981 году уже из Петрозаводска. Используя выражение из его стихов, можно сказать, что сама судьба способствовала «расширению лексикона за счет кругозора».

Переход границы почти совпал с переходом от юношеского многоглаголения к более сжатой и ёмкой манере письма – тому, что сам Хорват пытался определить как гиперреализм. Реалистом он, конечно же не был ни в каком из смыслов, и вообще отнести его к какой-либо школе затруднительно, хотя влияния прочитываются без сомнений. От сотрудничества с «официальными» русскоязычными изданиями эмиграции («Континент», «Русская Мысль») Хорват постепенно мигрирует в сторону внесистемных поэтов и художников – Бурихин, Толстый, Стесин, Волохонский, Барский, и – last, but not least – Кузьминский – что отчасти объясняет, как ему удалось избежать скатывания к элегически-ностальгическому письму, к «эмигрантской» поэзии. Безусловно, большое влияние в период 83-84 годов оказывает на него поэзия Игоря Бурихина и Елены Шварц, и не стоит, как это делает Кузьминский, расценивать его как дурное – здоровый (на тот момент) организм переварил и усвоил лучшее из этой «неохристианской» поэтики – как это только и могло быть с поэтом вполне самостоятельным. Религиозный порыв 1984-года, со всем его спектром от аскезы до крайней чувственности очень характерен для Хорвата и отнюдь не надуман. Стихи становятся беднее в плане «первичных признаков» (рифма – от глагольной до полного отказа от таковой) и гораздо изощреннее по звукописи и просодии, работая на проявление смысла через сложные лексические построения. Однако и это насыщение смыслом оказалось лишь шагом к следующей ступени – в прямо противоположную сторону от смысла в его тривиальном значении к чистому звукописанию, почти зауми. Сила дара, заложенного в нём, не могла допустить ни малейшей остановки в развитии. Видимо поэтому естественное в условиях чуждой языковой среды желание стереть границу между собой и читателем/слушателем, превратив его в зрителя, раздвинуть возможности самовыражения за пределы листа бумаги, пришедшее ощущение творческого акта как охватывающего жизнь целиком, всепланетного действия, приводят к отказу от поэзии.

С 1985-го года, после того, как Хорват исследует (по его собственному определению) тему «смерть поэта», организуя выпуск «коллективного мемориума с

участием всех желающих «Смерть Хорвата»», он занимается исключительно визуальным искусством, осваивая его самостоятельно, «автодидактом». После некоторого периода работы в русле чистой абстракции переходит к использованию нетрадиционных материалов и техник – химограммы, фотограммы и пр. Публикует несколько художественных манифестов, в том числе призыв к созданию коллективного романа. Несколько раз выставляется в немецких художественных галереях. Увлекается идеями Й.Бойса и К.Швиттерса. В 1988 году защищает диссертацию в университете Гамбурга по теме «Философия общего дела Николая Фёдорова». Пытается реализовать проект «жизнь как искусство», устраивая тотальный перформанс из собственной жизни, что находит отражение в прозе «Ready-Man», реализованной как проект в 1988 году и «записанной» в 1992 (на немецком языке). Можно, наверное, провести некоторые параллели между этими двумя периодами – освоения Хорватом поэтического и художественного языков: та же стремительная смена стилей, те же бурные попытки освоения новых стилистических приемов, тот же последовательный поиск авторитетов, изучение их творческой доминанты с дальнейшим отталкиванием от достигнутого ими уровня. Видимо, то же разочарование от получаемых результатов, свойственное по-настоящему крупно одаренным натурам.

Длительные периоды депрессии, которыми Евгений Хорват страдал, начиная с 1986 года, привели его к самоубийству в сентябре 1993-го, накануне открытия первой по настоящему заметной, по мнению специалистов, инсталляции «Перекоп Европы».

Вся эта драматическая ломка характера и мировоззрения происходила на протяжении очень небольшого промежутка времени – по крайней мере, в рамках рассматриваемого нами поэтического творчества это всего 5 лет – и привела к результатам, которые позволяют рассматривать Хорвата не просто как одного из талантливых авторов своего поколения, но поставить его в один ряд со «столпами» русской поэзии второй половины XX века – как официальной, так и неофициальной.

Чудовищное недоразумение в виде отсутствия нормально изданного на родине сборника произведений будет исправлено этим летом, когда в издательстве «Культурный слой» выйдет книга Хорвата «Раскатанный слепок лица», включающая почти все поэтическое наследие и роман «Ready-man». А пока – подборка, стихи разных лет.

Владимир Орлов

21

Пейзаж под светом не прочёлся:
ему дано условие тьмы.
Там карандаш «ТМ» прошёлся,
долину превратив в холмы.

На этой плоскости рифлёной мы одурачим Аполлона,
как сделал некогда Гермес,
украденных коров по склону
ведя – вперёд хвостами – в лес!

Мы хитрости своей стыдимся, но Аполлону не сдадимся,
и в том неизъяснимый смак,
что «Я» шагающая буква, и связки трав моя обувка,
и на песке не след, но знак.

1980

ДВОИЦА

I

В наших широтах
зимы пушисты,
вёсны дощаты.
Ходят в сиротах,
гибнут фашисты,
нет им пощады.

В этих пространствах
вязнут французы,
будто в болоте.
Об иностранцах
местные музы
плачут в полёте, –

уж заработав
вечную грыжу
с радикулитом
от перелётов
с крыши на крышу
к новым пиитам.

II

В широтах наших
пушисты зимы,
дощаты вёсны.
От снов монарших
хохлы, грузины
грустны, нервозны.

Печальны чукчи,
усталы коми,
расстройство в курдах,
и жалки кучки
якутов, кои
ютятся в юртах.

Двуглавый, с Югом
наш Север в ступке
смешав, распался.
А то б друг с другом,
что две голубки,
поцеловался.

Март 1982

ЗИМНЕЕ УТРО

Дверь я примёрзшую дёрну,
в облаке пара
выйду во дворик.
Запах навоза и дёрна,
дёрна и вара
сладок и горек.

Вышел, в отрепья одетым.
Чем ни разжиться,
всё разорвётся
в Днепропетро... или где там?
в Днепродзержинске?
В Петрозаводске...

Снег набивается толсто
за голенища.
Трудно добраться.
Снег в темноте – это то, что
днём – пепелища,
в смысле контраста.

Всё в этом смысле сгорело.
Тлеет и жжётся
жёстко и резко.
Если б ещё и согрело –
или как шёрстка,
или как «Экстра»!..

Эх, недалёко до Рая,
гладки полотна
смертного одра!
Лезут из мрака сарая
ломы и мётлы,
мётлы и вёдра.

Январь 82

В.Стецину

И вот синеют василиски
в твоих глазах,
и коченеют обелиски
в людских лесах,

бегут под землю караимы,
таща с собой,
и увлекают херувимы
за голубой.

За этим цветом скрыто войско,
одно на все,
туда струится палец воска,
как буй к звезде,

и там пейзаж уже не двойствен,
там нет кольчуг,
а наш – он родствен или свойствен
глазам пьянчуг.

... Ты подскажи нам, Павел-Савл,
Аббат-Прево,
кто соблазняет змия? – Дьявол.
– А кто ж его?..

Сентябрь 1982

ПОДДЕРЖИ МОЮ ГОЛОВУ
со страстями и печалями, –
чтоб привыкнула к говору
Херувимов с Началами,
Серафимов с Престолами
над моими плечами,
надо всеми просторами,
над денми и ночами.

Пусть язык мой не вывалится,
прикасавшийся к небу,
пусть и звук мой не выльется
на любую паневу,
но – в море парящее,
куда – коль допето –
умирать не пора еще
было певшему это.

1983

ИСПОВЕДЬ РУГАТЕЛЬНАЯ

Облетаю
опьянение моё,
обретаю
оперение моё –

но когда я в промежутках становлюсь
идиотом бешеным,
то и хлебом, то и галстухом давлюсь,
чтобы быть повешенным.

Как смолкает
песнопение во мне,
так сверкает
бляха на ремне,

на пол-прозу я тогда перехожу,
всех и вся тогда ругаю и грожу,
не язык уже, а ж... покажу,
расплевавшись, самому себе скажу:

эх, плевать
да не искать на пропитание –
крест сорвать
да удавиться на гайтане!

20.2.84

СОТВОРИ ЛЮБОВЬ МНЕ ЛАСКОЮ
под твою ветхую ряскою,

лёгким жестом молча скинь её –
нам в одной молиться скинии.

Чтоб зимой, когда не сыты мы
диким мёдом да акридами,

собирали, как понадобится,
влажны ягоды да ягодицы.

Разве нам помеха вретитще,
если можем мы смотреть еще?

Аль молитвой не очистилось,
не омылось, не вчислилось

– сквозь прелестное-греховное –
всё телесное в духовное?

26.2.84

СУББОТНЕЕ

Немного спать хотелось, но теперь прошло
коснулся рукоделия – помогло.
Как руку сжал – пять чувств затворил
дыханием моление сотворил
и хорошо-то стало! Воспарил.

Ты наклонись, Пречистая, – я шепну.
Так спутано пространство в земном клубке
что Ты и покрываешь в одной строке
и на груди вмещаешься в образке –
того, кому из черепа в вышину
открылось отверстие в потолке.

12.5.84

ГОЛЬШТИНСКИЕ ТЕРЦИНЫ

I

Бабушка моей супруги
во гробу умерла так сказали во сне.
Ноги мёрзли, и некому было подоткнуть доску.

Черви, как врачебные пиявки,
дополнительно оживляют спину и затылок
а другая сторона уже скалиста.

На кладбищах нынче как-то безвыходно.
Крест замкнут в прямоугольник – контур принадлежит не ему.
А запертым ключом не отворить помещения.

Есть и во мне какая-то скованность.
Душа моя представляет собой соитье
мокрой курицы с пронзительным петухом.

II

Начинаясь с химии всё возвращается в физику.
Физиология становится достоянием минералогии
в каждом трупе содержится геометрия звёздного неба.

Но и наоборот: с севера на юг перемещаются стаи галактик
сибирский охотник подстреливает перепёлку
и получается Тунгусский метеорит.

Возвращаемый в землю раздевается постепенно.
Законы природы терпеливее нас, мужчин.
Обнажившийся скелет – первосхема житейских схем,
уже отслуживших.

Около могил зеленеет воздух
В воскресении мертвых упырями и вурдалаками
антихрист опережает Христа

III

Мы пока что – мёртвые не воскресшие.
Искал вчера бритву да вовремя понял – лишние хлопоты
Это ж как масла масляного наестся.

Чего убийцы суетятся, непонятно.
Чего убиваемые сопротивляются, тоже.
И в целом непонятно зачем мы смертны.

Взаправду мы боимся одной лишь боли
что в начале схватывает роженицу, а в конце
перекидывается на рожденного
замыкаясь в круговорот.

Поднимешься быстро в кровати и глаза чернеют как у турка
а по углам невозможно дышать.
И пустых страхов уже не бывает.

1984

ЧТОБ ЗВУК РАСТУЩИЙ ИЗ-ПОД РУК
был так же длинен и упруг
и не ища своих подруг
бы упирался в некий круг
Друзей земли: краёв Небес,
где той – конечности сей бес.

Тебе Григорий с-под венка:
пусть не понять тебе пока
как мощно легшая легка
вовек нелевая Рука
на мне лицо – ещё пока
в лице руки гробовщика.

Тут отпеваньем окружи
поребриком ли оквадрать –
едино сглажены углы,
одна обугленная гладь.
Теперь дружи со мной, дружи.
Пускай умножатся столы

твоих поминок обо мне
и бесконечности блины –
еда, лишённая длины –
во многолетие твоё
послужат полно и вполне
в памятование моё.

РУКА-РУКА-РУКА-РУКА-
РУКА-НОГА-НОГА-НОГА-
НОГА-НОГА-НОГА-ЖИВОТ-
ЖИВОТ-ЖИВОТ-ЖИВОТ-ЖИВОТ-
ЖИВОТ-ЖИВОТ-СПИНА-СПИНА-
СПИНА-СПИНА-СПИНА-СПИНА-

спина-спина-вот-вот-вот-вот-
вот-вот-вот-вот-вот-вот-вот-
порвётся тёмно-красная струна! –
дабы стрела пера крыла
перекрывала, перекла-
дывала вектор, берегла

уж не указывая, чьё –
как изживётся житиё –
поверх поверхности стола
такой заточенной была, –
начнёт сбываться бытиё –
из заточения текла.–

Декабрь 1984

РАСПЕВ О НЕОПРЕДЕЛЁННОМ

– Фрадисам в знак –

тела смертней и звездой Астреи
розы где снизу репей, острее
шара тупей, голоднее Хармса
Папы папей и краснее Марса

– а зеленее – просторов майских
а холоднее узоров райских
даже медней экспонатом звонких
тоже – вернее канатов тонких.

он же длиннее дорог мощёных
ежли она же мощей крещёных
тленнее суть, но прекрасней тоже
ибо мгновеннее есть – Оно же.

– чем незапамятней отдаёшься,
тем незабудущей остаёшься
чтобы кружилась Земля в вертявых
еретиков черепах костлявых.

где ни преткнёшься на чём придется –
с камня того и начнёт вертеться,

точка ж летит через 8 стадий
нераздвижимых прямой аркадий.

1985

ДЕНЬРОЖДЕНИЕ ТВОЁ

Идёт из синевы –
А глухое ё моё
Спит средь сей травы

Но и Ение уже
К сердцу притеснилось
Сжавши шею чтоб по лже
Шуяя приснилась.

Аки червь сползает хор
В ад держась за вервь
Что ему спускает Орф
Отворяя дверь в.

Дождь обилен яко яд
Прямо уды моя.
Знать, состав его подъят
С Средиземноморья.

Будет ванною питьё,
И сухое ё твоё
Прослезится через силу
В ДЕНЬРОЖДЕНИЕ ТВОЁ.

Как Австралия близка!
И туземцы дети.
Через соску от соска
Итрально всё на свете

Воскресение Твоё?
Вознесение ль Твоё?
Иль Успение Тебя,
Радость Невестная?

Кто ж успеет преж Тебя?
Кто успеет, чтоб не спя
Сквозь ненастие копя
Радуницы местная?

Тот ли рот вразлад поя
Через силу тленья,
А очнувшегося Я
Тварного творенья

Так и будет до конца:
Зрак проститься от лица,
Мышца нового борца
О бедро преткнётся.

Упокоются тельца
Рай во сне проснётся,
Рцем поэтому – и рца
Отрицанье рвётся.

Что даётся то и даждь!
Даже просто это –
От заката чтобы аж
До уже рассвета

Просиявшего – просить
С первого захода
И ресницами гасить
Боль в глазах ВОСХОДА

весной 1985

ЮРИЙ АВРЕХ

родился в 1977 году в Уфе, живёт в Екатеринбурге; публиковался в журнале «Урал» и др.

ИЛЬЯ БАЙБИКОВ

родился в 1971 году в Москве, учился в первом Медицинском институте и на лингвистическом отделении кафедры славистики в Иерусалимском университете, с 2002 года живёт и работает в г. Киото, Япония; поэт, икебана-дизайнер (школа Согэцу); публикации: «Ориентация на местности. Русско-израильская литература 90-х годов», антология, 2001, Иерусалим; «Октябрь» № 3, 2002 год, Москва; «Иерусалимский Журнал» №10, 2002 год, Иерусалим; «АКТ, литературный самиздат» выпуск 9, март-июнь 2003, С.-Петербург.

РИТА БАЛЬМИНА

родилась в Одессе, окончила Харьковский художественно-промышленный институт, по профессии художник-дизайнер, в 1990 году переехала в Израиль; публиковалась в периодических изданиях.

СЕРГЕЙ БИРЮКОВ

окончил Тамбовский университет, кандидат филологических наук, с 1998 года – в Германии, живёт в Хале, преподаёт в Университете Мартина Лютера; печатается как поэт с 1970, автор нескольких поэтических книг, стихи переведены на немецкий, французский, японский и ряд славянских языков.

ЭЛЛА БУРДАВИЦЫНА (ЭЛАНА)

родилась 5 августа 1966 года, образование высшее юридическое, поэт, автор и исполнитель песен; публикации: «Дети Ра», «Зинзивер», «Восток-Запад», «Футурум-Арт», «Ах-Бах»; сольный альбом «Однажды», 2005 год, Саратов; книги – «Суфлеры из небесной будки», 2004 год, Москва, «Песни», 2004 год, Воронеж.

ДАНИЛА ДАВИДОВ

родился в 1977 году, живёт в Москве, поэт, прозаик; окончил Литературный институт, кандидат филологических наук, специалист по наивной и примитивной поэзии, дипломант Фестиваля малой прозы имени Тургенева (ноябрь 1998 г.); первый лауреат национальной молодежной литературной премии «Дебют» (2000, за книгу прозы «Опыты бессердечия»), в 1999-2004 годы возглавлял Союз молодых литераторов «Вавилон», соредатор вестника молодой литературы «Вавилон», один из составителей антологии новейшей русской поэзии «Девять измерений» (2004).

УЛЬЯНА ЗАВОРОТИНСКАЯ

родилась в 1980 году в Новороссийске, окончила Московский университет, живёт в Москве; произведения опубликовались в Интернете на сайтах www.lito.ru и www.stihi.ru

АЛЕКСАНДР КОГАН

– поэт, живёт в Нью-Йорке.

АЛЕКСАНДР МОЦАР

родился в Чернигове 20 марта 1975 года, с 1999 года живёт в Киеве; публикации: альманах «Черновик», «Журнал Поэтов», сетевое издание «Топос».

ЮРИЙ ОРЛИЦКИЙ

родился 8 июля 1952 года в Челябинске, окончил филологический факультет Куйбышевского университета, живёт в Москве; доктор филологических наук, автор книг по теории стиха и прозы; поэт, автор четырёх сборников, куратор российских фестивалей верлибра.

АЛЛА ПОСПЕЛОВА

– преподаватель Уральского Государственного Университета им. Горького, аспирант, копирайтер, поэт.

ГОЛДА РОЙТЕНБЕРГ

родилась в 1974 году в Ленинграде, училась в Санкт-Петербургской Академии Театрального искусства (режиссура), работала литсекретарем в Доме современной литературы и книги; печаталась в журналах «АКТ» и «Зинзивер».

АЛЕКСАНДР СИНДАЛОВСКИЙ

– поэт, прозаик, живёт в США, штат Пенсильвания; публикуется в периодических изданиях России и США.

АНДРЕЙ СОКУЛЬСКИЙ

родился 18 сентября 1962 года в Ленинграде, детство и отрочество прошло в Саратове, в 80-х и начале 90-х – участник саратовской литературной группы «Просодия»; автор четырёх книг-циклов: «Молчальник», «Полночь – час пик», «Стронций странствий», «Сочинитель» и вышедших книгами сборников: «Черновик» (1999), «Четыре квадрата» (2002), «Безение» (2003) и «ККМ» (2004).

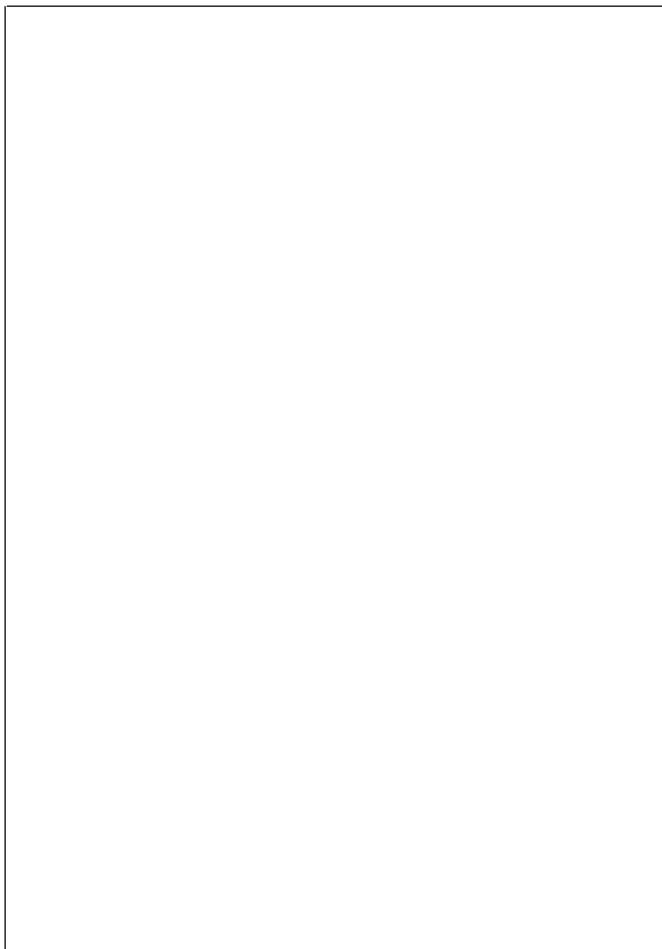
ЕВГЕНИЙ ХОРВАТ

(15 ноября 1961, Москва – 12/13 сентября 1993, Германия), окончил Гамбургский университет, 1983 – 1988, дипломная работа по «Философии общего дела» Николая Федорова; публикации: «У голубой лагуны», «Знамя» №5, 1994, «Самиздат века»; книги – «По черностопу», «Здесь я поэт», «Хорей бега» (все – Германия, самиздат, 1985); «Раскатанный слепок лица» (Москва, 2005).

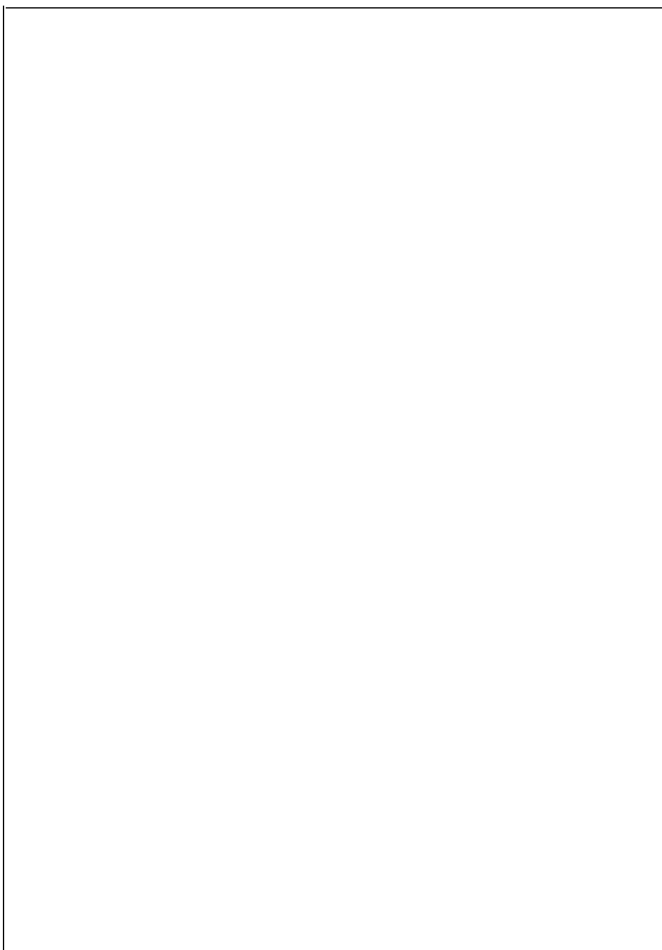
ЛИДА ЮСУПОВА

родилась в Петрозаводске в 1963 году, окончила факультет журналистики Ленинградского государственного университета, работала на Петербургском радио, в газетах и журналах, с 1996 года жила в Израиле, Канаде, сейчас – в Белизе (Центральная Америка); публикации: в антологии «Освобожденный Улисс – Современная русская поэзия за пределами России», альманахах «Urbi», «Тритон», «Мария», в журналах «Питербоок», «Петербургские чтения», «Детская литература», «Север» и других, в интернете – в журналах «Сетевая словесность» и «РЕЦ»; книга стихов «Ирасалимль» (1995).

ИНФОРМАЦИЯ о других авторах – в предыдущих номерах АКТа.

Евгений Хорват. Обложка книги прозы. 1992

Евгений Хорват. Обложка книги стихов. 1985